

Юй Ичэнь принялся за готовку, демонстрируя мастерство владения ножом. В кухне не было слышно шагов — только мерный, непрекращающийся стук лезвия о разделочную доску.

Когда он закончил нарезать картофель и переложил его на тарелку, боковым зрением заметил, что стоящий позади человек не ушел, а продолжает молча наблюдать за ним.

— Сыхэн, сейчас начнется жарка, будет много дыма. Пожалуй, тебе лучше подождать меня в другой комнате.

— Ничего страшного, брат. Я постою рядом, поучусь кулинарии, а в будущем сам буду готовить для тебя.

— Хорошо, буду ждать этого дня.

Надеюсь, ты запомнишь свои слова. Лишь бы вместо обещанного ужина меня не ждали твои орудия пыток.

Юй Ичэнь продолжал невозмутимо нарезать подготовленные ингредиенты, хотя его движения стали чуть быстрее. Ощущение чужого взгляда на затылке заставляло его нервничать. То ли из-за жара плиты, то ли по другой причине, но рука, державшая нож, слегка дрожала, а на лбу выступил тонкий слой пота.

С чего это этот паренек стоит за спиной, сложив руки, и выглядит прямо как надзиратель?

Когда поднялся дым и температура в кухне заметно повысилась, Юй Ичэнь, действуя умело, принялся за жарку. Скольжение сковороды и лопатки было слаженным, и вскоре воздух наполнился ароматами блюд — в основном тех, что вчера пришлось по вкусу Хань Сыхэну, плюс одно новое.

Увидев, что Юй Ичэнь выключил огонь и моет руки, Хань Сыхэн подошел ближе.

— Брат, давай я отнесу тарелки на стол.

Юй Ичэнь ответил согласием, передал ему две первые тарелки, а остальные взял сам и, последовав за Хань Сыхэном, поставил их на обеденный стол.

Вернувшись в кухню, он увидел, что над рисоваркой вьется белый пар. Крышка была открыта, являя взору золотистую, густую массу. Солнечный свет из окна падал на нее, придавая аппетитный блеск. Рисовая каша выглядела идеально — в меру густая, в меру влажная, вызывая нешуточный голод.

Юй Ичэнь поставил две миски с кашей на стол и сел рядом с Хань Сыхэном. В комнате зазвенели палочки о посуду, но, заметив, что Хань Сыхэн не притрагивается к еде, Юй Ичэнь обеспокоенно спросил:

— Что случилось? Не по вкусу?

— Нет, просто вспомнил кое-что из прошлого.

Услышав это, Юй Ичэнь на мгновение замер. В его взгляде, обращенном к Хань Сыхэну,

промелькнула жалость. Он положил несколько кусочков мяса в миску юноши и произнес утешающим тоном:

— Все в прошлом, не переживай. Брат теперь будет рядом с тобой.

Хань Сыхэн кивнул и едва заметно улыбнулся. Он взял кусочек мяса и отправил в рот, но в глубине его глаз затаился холодный расчет.

Похоже, кое-кому здесь больше не место.

После обеда солнце за окном окрасилось в оранжевый цвет. Убрав посуду, Юй Ичэнь вышел из кухни. Со стороны дивана на него был устремлен взгляд. Увидев, что он вышел, Хань Сыхэн тут же поднялся навстречу.

— Брат, мне нужно ненадолго съездить домой, забрать одну важную вещь.

— Может, мне поехать с тобой? — Юй Ичэнь беспокоился: вдруг этот отец-игрок снова начнет к нему цепляться?

Услышав его заботливый тон, Хань Сыхэн улыбнулся, покачал головой и потрепал Юй Ичэня по волосам.

— Не волнуйся, брат, я вернусь в целостности и сохранности.

Юй Ичэнь кивнул. Получив ответ, Хань Сыхэн глубоко вздохнул. Когда он развернулся, золотистые лучи закатного солнца, пробивавшиеся в дверной проем, выстали перед ним дорогу, в конце которой, однако, зияла бездна, залитая кровью.

Стоило ему выйти за порог, как улыбка на его лице мгновенно сменилась ледяным выражением. Он шел по дороге, золотой свет на карнизах домов постепенно гас, и наступающие сумерки поглотили его фигуру.

Подойдя к дому, который он так хорошо помнил, Хань Сыхэн смотрел на его красивый фасад, зная, какая грязь скрывается внутри. Стоя у двери, он почувствовал прилив отвращения. В ушах снова зазвучал грубый голос, а в памяти пронеслись тысячи повторений одного и того же разговора:

— Эй, это я, Ван Чжи. Сегодня вечером снова соберемся? У меня руки чешутся, дня не могу прожить без игры.

Неизвестно, что ответили на том конце, но лицо Ван Чжи тут же расплылось в широкой улыбке. Складки на его смуглой коже собрались в неприятную гримасу.

Заметив Хань Сыхэна, он перестал притворяться и сразу показал свою истинную натуру. Засучив рукава, он бросился к юноше, не скупясь на ругательства. Сейчас он напоминал разъяренного хама, от которого исходил резкий, тошнотворный запах дуриана.

— О, кто это вернулся? Неужели это ты, щенок? Гляжу на твой прикид — неплохо ты устроился, сбежав от меня. Вижу, урок не пошел впрок? Нужно снова приучить тебя к поводку, как паршивую собаку? Запомни, здесь ты — всего лишь пес, который должен ползать у моих ног и вымаливать подачки.

По мере приближения Ван Чжи запах табака, исходящий от него, стал еще резче. Его спутанные, давно не мытые волосы источали зловоние.

Хань Сыхэн нахмурился и едва заметно отступил. Заметив это движение, Ван Чжи пришел в ярость и, не сдерживаясь, замахнулся.

— Ах ты, паршивец! Несколько дней не видел, а ты уже осмелел? Сказано тебе стоять — стой смирно! Вижу, старые шрамы зажили, пора добавить новых.

Столкнувшись с угрозой, Хань Сыхэн посмотрел на него с мрачной решимостью, а уголки его губ тронула зловещая усмешка.

Ван Чжи, почувствовав неладное, в бешенстве поднял свою мощную руку, покрытую мозолями, чтобы с силой ударить юношу по лицу.

— Ты еще смеешь так на меня смотреть, щенок?! Жить надоело?

В следующее мгновение, когда широкая ладонь была в паре сантиметров от лица Хань Сыхэна, вместо звонкой пощечины ночную тишину пререзал истошный вопль Ван Чжи.

— А-а! Ты, гаденыш, ты что, сдохнуть хочешь?!

Хань Сыхэн намертво вцепился в запястье Ван Чжи, сжимая его с такой силой, будто хотел раздробить кость. От нестерпимой боли Ван Чжи перехватило дыхание, лицо его исказилось от муки. Он попытался вырвать руку другой ладонью, но хватка Хань Сыхэна была такой железной, что он не мог сосредоточиться ни на чем другом.

— Наорался? Считаю, что те слова я пропустил мимо ушей. А теперь отдай ключи от машины. Я там кое-что забыл. И еще — верни кулон, который ты у меня отобрал. Сделаешь это до моего возвращения — и я закрою глаза на сегодняшнее.

Хочешь довести меня до ручки? Что ж, посмотрим, кто из нас первым отправится на тот свет.

Сказав это, Хань Сыхэн с отвращением отшвырнул руку Ван Чжи, будто коснулся чего-то грязного, отряхнул ладони, забрал ключи и, не оглядываясь, зашагал прочь.

<http://bllate.org/book/22472/2365631>